

Подарочный партбилет

В тот момент, когда Чалин, небольшого роста, слегка располневший за последнее время начинающий кооператор, зашел в приемную, Степан Николаевич Пуцтяк распекал секретаря-машинистку Эллочку, разбитую перезрелую девицу с Молдаванки. От праведного гнева ноздри его раздувались. Набирая воздух для очередной тирады, он становился на цыпочки, а, вышавшись ее, со стуком опускался на каблук. Галстук выскочил из под ремня брюк и раскачивался, как маятник, в такт тирадам.

Эллочка смотрела исподлобья на распалившегося не на шутку начальника повинным взглядом напроказившей собаки. Но внезапно, не вставая с места, съязвила: «Может быть, мне еще красную косыночку на голову нацепить?»

— Не дерзить! Ты не дома, — командовал завпарткаб (заведующий партийным кабинетом) Иван Иванович Переворотный, старый отставник, возившийся с пачкой газет «Новый коммунист» рядом со столом секретарши. — Ты рядовой сотрудник аппарата секретаря городского комитета партии по идеологическим вопросам,

закончил он подобострастный разнос и застыл, отдавая честь, приложив к лысой голове пачку газет.

— Дома значит можно? — спросила Эллочка, хитро прищуривая раскосые глазки, окаймленные черным карандашиком.

— Здесь вопросы и задачи я ставлю, — повысил начальственный баритон Пуцтяк, — а ты должна молчать и отвечать. — Поняла?

— Как же я отвечать буду, если молчать надо? — наигранно удивилась Эллочка и виновато спрятала под себя ножки в туфлях одесской обувной фабрики.

— Так, прения закончены, — постукивая по столу непропорционально маленькими кулачками, подвел черту Пуцтяк. — Запомни раз и навсегда: все документы ты должна заносить ко мне в папку партийного цвета.

Дождавшись паузы, Чалин, подпиривший дверной косяк, попытался обратить на себя внимание и покашлял в кулак. Даже сейчас, когда он по собственной инициативе уволился с предприятия, где зарплата главного инженера давала возможность беспечно дотянуть до пенсии, а при известной ловкости жить не в чем себе не отказывая, в пределах разрешенного системой, выезжать в Болгарию и, возможно, в Югославию, он по-прежнему робел, входя в партийные кабинеты. Стол, где заседали парткомы, райкомы, горкомы и обкомы, покрытый кумачовым полотном, на котором стояли графины-близнецы и граненые стаканы, казался ему лобным местом. И сам он, хоть и не был партийным, не раз стоял у таких столов, покрываясь испариной и оправдываясь в том, в чем не был виноват.

— Жди, — взглянул, вполоборота обернувшись на него Пуцтяк. И, вновь обращаясь к Эллочке, спросил: — Так, что за анкету из обкома прислали?

— Там лишь один вопрос: есть ли в вашем аппарате вакантное место, — нарочито слезбила Эллочка. — Может, наконец, возьмем машинистку? А то я как полупроводник пашу.

— Это еще что значит — как полупроводник? — не понял Пуцтяк. — Ну, как дай мне анкету.

— А то и значит, — протянув анкету Пуцтяку и усаживаясь за пишущую машинку, обиженным тоном пожаловалась Эллочка, — что я, как один проводник на два вагона.

— Здесь не сказано, какое вакантное место, — вглядываясь в бумагу, задумчиво произнес Пуцтяк, — свободное или занятое?

Округлившись глазами Эллочка взглянула на Пуцтяка и, убедившись, что он не шутит, прыснула, уткнувшись головой в клавиши пишущей машинки. Подняв голову, она увидела отпечатанное на белой бумаге непечатное слово. — Ой, — вскрикнула Эллочка, закрыв глаза ручками с обгрызенными ноготками, — это не я.

— Да за такие слова под суд, в каталажку, в Сибирь, — зарычал завпарткаб, прочитав «непечатное».

— Хорошо, что не расстрел, — парировала пришедшая в себя Эллочка.

— За такие слова про партийное руководство — 58-я, без права переписки.

— Без переписки я не могу — работу потеряю, — надулилась Эллочка.

— Перебор, Иваныч, сейчас не 37-й, — смилостивился не заметивший напечатанное непечатное слово Пуцтяк. — «Вакантное» — слово, конечно, неблагозвучное, но аполитичное.

— Степан Николаевич, мне тридцать семь только в следующем году будет, — обиженно пробормотала Эллочка. — При чем тут пятьдесят восемь, не понимаю.

— Степан Николаевич, — вмешался в ситуацию Чалин, — вакантное не может быть свободным или занятым. — Вакантное и означает незанятое место.

Подойдя к Чалину, недоверчиво поглядев на него и не удостоив ответом, Пуцтяк повернулся к завпарткабу: — Иван Иваныч, вы как думаете: свободное вакантное место или занятое?

— Не могу знать, — по-гусарски щелкнув каблуками, отрапортовал старый вояка. — Нужно посмотреть в Большой советской энциклопедии.

— Степан Николаевич, — едва сдерживал смех Чалин, — в энциклопедии этого нет, разве что, в Толковом словаре посмотреть.

Резко повернувшись Чалину и глядя в упор ему в глаза, Пуцтяк тоном трагического закланья произнес: — Запомни на всю жизнь: в Советской энциклопедии есть все!

— Советское — значит отличное! — внезапно вышавился Иван Иванович,

глядя на Чалина, как на врага народа.

— Советское — значит шампанское, — просветила партийных начальников Эллочка.

Презрительно взглянув на секретаршу и не удостоив ее ответом, Пуцтяк вернулся к себе в кабинет, и тут же по селекторной связи раздался его голос: — Пригласите ко мне Чалина.

— Вот сколько тебя знаю, — начал Пуцтяк издали, — вечно ты на рожон лезешь. — Ты понимаешь, что ты наделал этим своим сувенирным подарочным партбилетом?!

— Неужели заявления подают о вступлении в подарочную партию? — наигранно удивился Чалин.

— Ты мне здесь эти антисоветские шуточки брось.

— Где бросить? В парткабинете?

— Не прикидывайся. Ты нанес ядовитый укол в тело партии. От него может образоваться гнойная язва, а язва — разъест все тело. Дошло?

— Степан Николаевич, вспомните, какой год, — взмолился Чалин, — перестройка, гласность. — Сейчас каждый приличный человек немножко антисоветчик.

— Ты соображаешь, что говоришь? — испугался Пуцтяк. И, оглянувшись по сторонам, посмотрев в окно, плотнее прикрыв дверь и пригнувшись к уху Чалина, шепотом спросил: — Как думаешь, партию разгонят?

— Что вы! — то ли оправдываясь, то ли успокаивая, замахал руками Чалин. — Если партия в экономику лезть не будет, то зачем ее разгонять.

— Если не лезть в экономику, так кому она нужна, — шепотом задумчиво произнес Пуцтяк и добавил густым директивным баритоном: — А подарочный партбилет изъять!

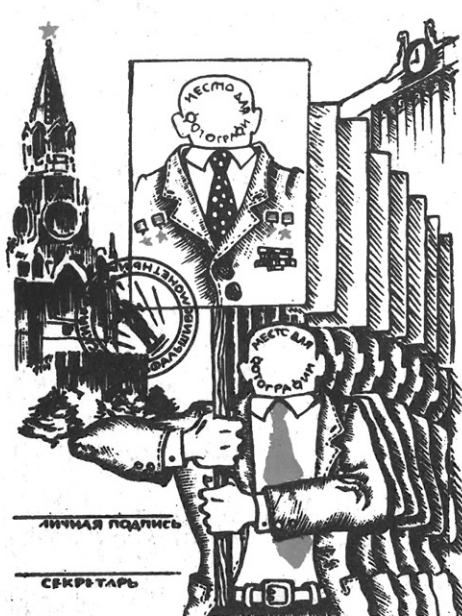
— И об исполнении доложить, — донесся из-за двери выкрик завпарткаба.

Подарочный партбилет, изготовленный многотысячным тиражом, был изъят за несколько дней. Но не Чалиным, не спешившим выполнить указание партийного начальника, а покупателями, расхватавшими его на сувениры.

Опасения Пуцтяка вскоре сбылись — партию разогнали. В здании горкома разместилось управление торговли. Сжимая в руке папку с бизнес-планом и сумку с парой бутылок виски, Чалин поднялся по знакомой лестнице, с которой исчезли красные ковровые дорожки, и подошел к двери с табличкой «Начальник управления». Но не успел он взяться за ручку двери, как она открылась и навстречу к изумлению Чалина, вышла Эллочка.

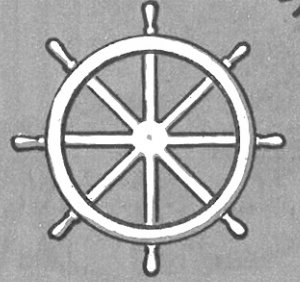
Ее тонкая белая блузка не скрывала ни пышные формы, ни фирменное белье, так же, как расклешенная юбка чуть выше колен не скрывала полные ноги в элегантных туфлях на шпильках. Стильная прическа и дорогое мелирование завершали новый образ бывшей секретарши.

ПАРТРЕТ

ПАРТИИ — НАШИ РАДОВАНИЕ!

ПОДАРОЧНЫЙ

ПАРТБИЛЕТ

САМИЗПАРМ

— А ты как здесь? — восторженно спросил Чалин.

— Чего непонятного, — удивилась Эллочка, — батрачу я здесь. Только на машинке уже не стучу. Машинистка у меня в подчинении. А я так — бумажки, письма, телефон, кофе.

— Слушай, — обрадовался Чалин, — можешь меня представить руководству? Ну, мол, я не с улицы, свой, можно доверять.

— Ой, не смешите меня, вас представлять, — замахала ручками с длинными ноготками Эллочка. — Да вас каждая собака в городе знает. А после этих ваших партбилетов и все остальные животные. Я тороплюсь, — с этими словами Эллочка втокнула Чалина в проем двери.

— Заходи, здесь все свои, — произнес металлический голос из спикера. — Освобожусь — пригласу. А пока познакомься с моим замом.

У противоположной от входа стены бывшего парткабинета, за дорогим буквальным письменным столом сидел бывший завпарткаб. Над его головой на золотистой металлической табличке было выгравировано: «Заместитель управляющего». Над табличкой висел портрет Президента Украины.

— Кто же из вас заместитель управляющего? — подавая руку для приветствия, пошутил Чалин.

— А об изъятии партбилетов вы так и не доложили, — не подав руки и не поднимая головы, проскрипел Переворотный. — Комиссию к вам отправим.

— Не надо так резко, Иван Иванович, — раздался из-за спины голос вышедшего из кабинета Пуцтяка. — Может быть, господин Чалин сам нам что-нибудь расскажет.

И, показывая обеими руками в сторону своего кабинета, пригласил: — Ну, заходи. Предательски звякнувшие в сумке бутылки, пригодились. Прикрыв дверь, Пуцтяк распорядился: — Иваныч, ко мне никого. У нас совещание.

Между рюмками Чалин пытался втолковать техническую новизну и экономический эффект своего бизнес-плана. Пуцтяк кивал головой, но по его окосевшему взгляду становилось понятно, что ему ничего не понятно.

— Минуту, — остановил он объяснения Чалина, вставая из-за стола. Выйдя из кабинета, Пуцтяк знаками позвал к себе зама и шепотом попросил:

— Иваныч, пока мы там перетираем, посмотри в Большой советской энциклопедии, что такое бизнес-план.

Вернувшись в кабинет, Пуцтяк пересел лицом к полуоткрытой двери, спиной к которой сидел Чалин. Через несколько минут в нее просунулась лысая голова Переворотного: брови домиком, губы комочком, глаза — спасательный круг. Голова молча раскачивалась по сторонам.

— Ладно, покумекаем, — сказал Пуцтяк, прощаясь с Чалиным. — Все по-прежнему в наших руках.

Григорий БАРАЦ.
Иллюстрации
Григория РОЗЕНБЕРГА